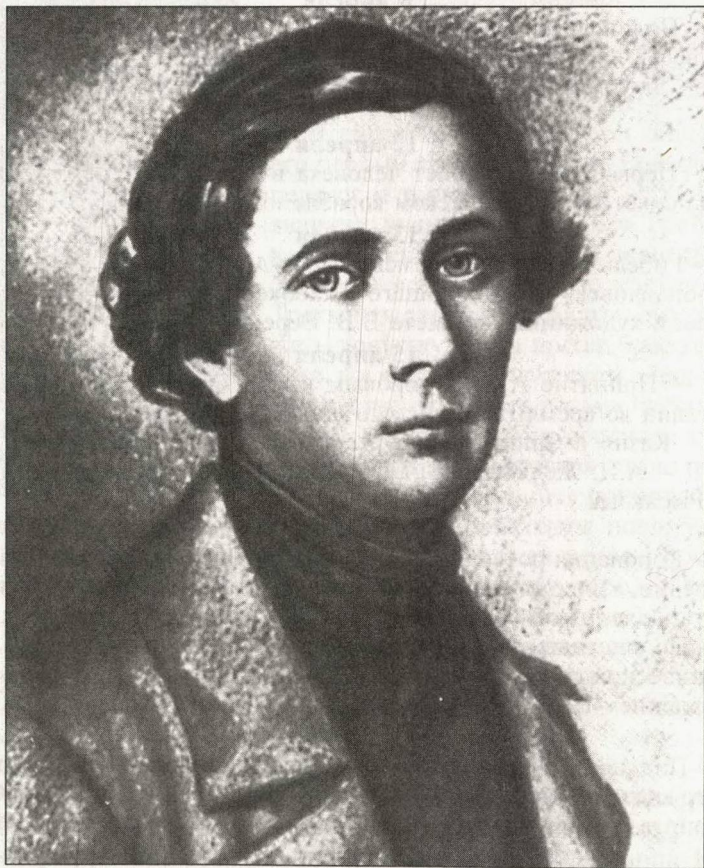

В.И. Даль. Портрет работы
неизвестного художника. 1830 – 1831

Автор бессмертного Словаря

Произошло это событие 140 лет тому назад: 21 апреля 1862 года. В этот день Общество Любителей Российской Словесности рекомендовало к печати уникальный труд Владимира Ивановича Даля «Толковый словарь живого великорусского языка» (первое издание вышло в свет в 1863 – 1866 гг.). Над словарем Владимир Даль – писатель, лексикограф, этнограф, исследователь фольклора – работал всю свою жизнь.

Полное собрание сочинений В.И. Даля увидело свет уже после кончины автора. Оно называлось – «Первое посмертное полное издание, дополненное и вновь просмотренное по рукописям». Первый том в издании товарищества М.О. Вольфа вышел в 1897 году. Он открывался критико-биографическим очерком П.И. Мельникова – известного читателям по романам «В лесах» и «На горах». Павел Иванович был современником и другом В.И. Даля, поэтому его рассказ о жизни и творчестве создателя Толкового словаря и об истории его создания представляет несомненный интерес. Работа П.И. Мельникова-Печерского печатается с сокращениями.

Предлагаем читателям также две работы из цикла очерков «Даль возвращается», о создателе бессмертного Словаря, написанных недавно ушедшим из жизни замечательным поэтом В.Д. Берестовым.

П.И. Мельников-Печерский

Слово о В.И. Дале

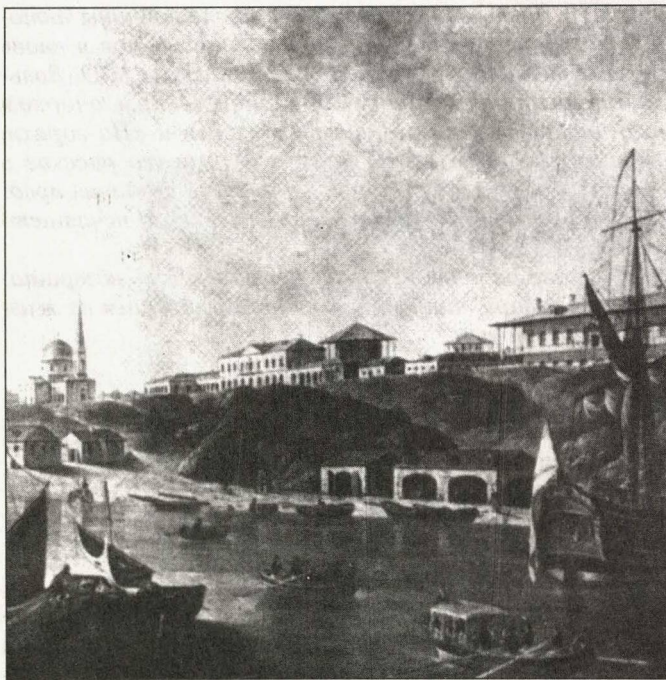
Владимир Иванович Даль родился 10-го ноября (по новому стилю 22 ноября) 1801 года, в местечке Лугань, Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Отец его в то время служил врачом при Луганском казенном литейном заводе.

Иоганн Даль, родом датчанин, в ранней молодости уехал в Германию и там в одном из университетов (кажется, Иенском) прошел курс наук богословского факультета. Он сделался замечательным лингвистом. [...] Известность Даля как лингвиста достигла императрицы Екатерины II, и она вызвала его в Петербург на должность библиотекаря. Здесь Иоганн Даль увидел, что протестантское богословие и знание древних и новых языков не дадут ему хлеба, а потому отправился в Иену, прошел там курс врачебного факультета и возвратился в Россию с дипломом на степень доктора медицины. В Петербурге женился он на Марии Фрейтаг. Мать ее, бабушка Владимира Ивановича, Марья Ивановна Фрейтаг, из рода французских гугено-

тов де Мальи, занималась русскою литературой. Она переводила на русский язык Гескера и Ифланда. Влияние бабушки не осталось бесследным для Владимира Ивановича Даля. С матерью говорил он по-русски, а поминая бабушку, как только выучился читать, стал читать ее переводы, а с ними и другие русские книги. Таким образом, чтение на русском языке было первым его чтением [...].

Из Гатчины Иоганн Даль перешел на службу в горное ведомство, сначала в Петрозаводск, потом в Луганский завод, затем, уже по рождении Владимира Ивановича, в морское ведомство, в Николаев. Отсюда летом 1814 года, когда Владимиру Далю было тринадцать с половиной лет, его отвезли учиться в Морской кадетский корпус [...].

«Что сказать о науке в корпусе? Почти то же, что и о нравственном воспитании: оно было из рук вон плохо, хотя для виду учили всему. Марк Филиппович Горковенко, ученик известного Гамалеи и наш инспектор клас-

Вид г. Николаева. Худ. Ф. Алексеев. 1797–1800

сов, был того убеждения, что знание можно вбить в ученика только розгами или серебряною табатеркой в голову. Эта табатерка всякому памятна [...]» (Так Даль пишет о пребывании в кадетском корпусе в своей автобиографической записке. — Ред.).

...По словам В.И. Даля, ему, еще ребенку, всегда казалось странным, отчето это люди, получившие образование, говорят по-русски не так, как говорят простолудины. Еще более ему странно было то, что речь простолудинов с ее своеобразными оборотами почти всегда отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определительностью и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди. И он полюбил народную речь, можно сказать, еще с младенчества. «Еще в корпусе, говорит он, полусознательно замечал я,

что та русская грамматика, по которой учили нас с помощью розог и серебряной табатерки, ни больше ни меньше, как вздор на вздоре, чепуха на чепухе. Конечно, я тогда не мог еще понимать, что русской грамматике и до сих пор не бывало, что та чепуха, которую зовут «русскою грамматикой», составлена на чужой лад, сообразно со всеми Петровскими преобразованиями: неизученный, неисследованный в его законах живой язык взяли да и втиснули в латинские рамки, склеенные немецким клеем» [...].

Таково было убеждение Даля о русской грамматике. Оно не ос-

тавляло его с ранней молодости до кончины. Когда подобные речи говорил Даль, будучи мичманом или военным лекарем, на них можно было не обращать внимания, но когда слова эти произнесены таким знатоком русского языка, как Даль, на склоне дней его, после 50-летних почти трудов над *Словарем живого великорусского языка*, для составления которого потребовалась бы целая академия и целое столетие, над сказанным стоит призадуматься...

Далю... посчастливилось: еще будучи гардемаринном, сходил он не только до Красной Горки, как упоминает в своем *Мичмане Поцелуеве*, но и в Копенгаген. Там с прочими русскими офицерами и гардемаринами он был удостоен приглашения к обеденному столу Датского короля. Не стану

передавать рассказов Даля о том, как он провел несколько часов во дворце королей своих дедов; упомяну о другом, более для нас важном, рассказе его о пребывании в Дании. «Когда я плыл к берегам Дании, говаривал он, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, *мое* отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков. Немцев же я всегда считал народом для себя чуждым» [...].

Марта 2-го 1819 года В.И. Даль выпущен из Морского Корпуса мичманом в Черноморский флот, двенадцатым по старшинству из 86. Через несколько дней он оставил Петербург...

Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву, на паре почтовых лошадей, ехал молоденький мичман. Мичманская одежда, с иголки, плохо его грела. Молоденький мичман жался в сани. Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо – верный признак перемены к теплу.

– Замолаживает! – сказал он.

По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось.

– Как замолаживает? – спросил он.

Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет:

«Замолаживать – иначе пасмурнеть – в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью»...

...Строки, написанные на морозе в 1819 году... были зародышем того колоссального труда, который ученому

миру известен под названием *Толкового словаря живого великорусского языка*.

С тех пор с каждым днем книжка пополнялась. Записывались областные слова, особенные обороты народной речи, пословицы, поговорки, прибаутки. Лет через десять книжка превратилась в несколько толстых увесистых тетрадей, исписанных мелким, бисерным почерком Даля.

В Черноморском флоте, куда Владимир Иванович назначен был на службу по выпуске из Морского Корпуса, он пробыл не больше трех лет...

Он вынужден был подать в отставку и, сняв мичманский мундир, отправился в Дерпт, где поселилась овдовевшая мать его для воспитания младшего своего сына. Здесь Владимир Иванович, 20-го января 1826 года, поступил в студенты медицинского факультета [...].

Даль не кончил еще полного курса врачебных наук, как в 1828 году вспыхнула Турецкая война. В полковых врачах тогда крайне нуждались, ибо за Дунаем наши войска встречены были двумя врагами – турками и чумою. В 1828 году сделано было распоряжение всех казеннокоштных университетских студентов, годных к военно-медицинской службе, немедленно выслать в действующую армию [...].

Прибывши в армию, Владимир Иванович назначен был в главную квартиру ординатором при подвижном госпитале и постоянно находился на глазах у главнокомандующего графа Дибича-Забалканского. В это время запас его для *Словаря* значительно увеличился. [...] В 1829 году у Даля накопилось столько записок, что для имущества его потребовался вычужный верблюд. И вдруг, перехода за два до Адрианополя, в военной суматохе вер-

В.И. Даль. Портрет работы
неизвестного художника. 1830 — 1831

блюд пропал. «Я осиротел, пишет Даль, с утратою своих записок, о чемоданах с одежей мы мало заботились. К счастью, казаки отбили где-то верблюда и через неделю привели его в Адрианополь». Таким образом начало русского *Словаря* было избавлено от турецкого пленения...

Только что воротился Даль с богатым запасом *Словаря* из турецкого похода, как привелось ему идти в новый поход, против возмущившихся поляков. Он был дивизионным врачом в 3-м пехотном корпусе, находившемся под командой генерал-адъютанта (впоследствии графа) Ридигера [...].

По окончании польской кампании Владимир Иванович поступил ординатором в Петербургский военно-сухопутный госпиталь. Здесь он трудился неумоимо и вскоре приобрел извест-

ность замечательного хирурга, особенно же окулиста. Он сделал на своем веку более сорока одних операций снятия катаракты, и все вполне успешно. Замечательно, что у него левая рука была развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать, и делать все, что угодно, как правую...

Еще в Дерпте познакомился Даль с Жуковским. В Петербурге это знакомство перешло в тесную дружбу. Дружба с Жуковским сделала Даля другом Пушкина, сблизила его с Воейковым, Яковым, Анною Зонтаг (рожденная Юшкова), Дельвигом, Крыловым, Гоголем, кн.

Одоевским, братьями Перовскими. В 1830 году, вскоре по возвращении из турецкого похода, В.И. Даль напечатал первую свою литературную «попытку» в *Московском Телеграфе* Полевого... Возвратясь из Польши и распрощавшись с медициной, он совершенно выступил на литературное общество... Начал он русскими сказками. «Не сказки сами по себе были мне важны, писал он впоследствии, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода — сказка послужила предлогом» [...].

Первые сказки, в числе пяти, Даль издал в 1833 году, назвав себя *Казачком Луганским*, потому что родился в казачьей земле, в местечке Лугани...

В 1833 году Даль оставил медицинскую практику и службу в военно-ме-

дицинском ведомстве. Брат его друга, Антона Погорельского, главный начальник Оренбургского края, В.А. Перовский, пригласил его к себе на службу, и Владимир Иванович, оставив Петербург, отправился на берега Урала.

Самыми близкими людьми к Далю, до отъезда его в Оренбург и после того, были Жуковский, Пушкин и князь Одоевский. В конце 1836 года он с В.А. Перовским приехал в Петербург и через месяц схоронил одного из этих друзей.

...Даль все трое суток мучений Пушкина ни на минуту не оставлял его страдальческого ложа. Последние слова князя русских писателей были обращены к Далю...

Известно, что Пушкин был несколько суверен. Он носил на большом пальце перстень с изумрудом, называя его своим талисманом, и никогда не скидал его, говоря друзьям, что если он снимет этот перстень хоть на минуту, божественный дар поэзии его покинет... Когда Пушкин узнал, что нет надежды, что должно ему умереть, он скинул перстень и надел его на руку Даля. Этот перстень Владимир Иванович носил до смерти на той руке, которая написала *Словарь живого великорусского языка*... Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Далю: «Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!.. Какие мы писатели? Горе, а не писатели! Зато по-французски так нас взять — мастера»...

К восьми годам (с 1833 по 1841) пребывания Владимира Ивановича в Оренбургском крае относится большая

часть его повестей и рассказов. К этому же периоду времени должно отнести и главнейшее пополнение запасов его для словаря, и собрание народных сказок, пословиц и песен [...].

В Оренбурге у Даля вполне созрела мысль о составлении *Словаря живого великорусского языка*. Там же принялся он за изучение древних памятников нашей словесности. Он сблизился с инспектором классов Оренбургского Неплюевского военного училища Александром Никифоровичем Дьяконовым, о дружбе с которым поминает в *Напутном Слове* к своему *Словарю*. Один только Дьяков оказывал тогда в Оренбурге, по словам самого Даля, умное и дельное сочувствие к трудам его...

В восемь лет жизни в Оренбургском крае Владимир Иванович извездил его весь из конца в конец, вдоль и поперек. Он не раз ездил с В.А. Перовским по обеим сторонам Урала. Он сопровождал царствовавшего тогда Государя Императора, обозревавшего в 1837 году Оренбургский край. Он сделал известным Хивинский поход 1839 — 1840 годов и оставил верное изображение его в любопытных письмах к родным и знакомым, напечатанных лет шесть тому назад в *Русском Архиве* [...].

С самого приезда в Нижний В.И. Даль стал приводить в порядок собранные им, в количестве 37 тысяч, русские пословицы. До тех пор все выходившие в свет русские пословицы (каждое собрание в пять или шесть раз меньше Далевского) были располагаемы по алфавиту. «Но азбучный сборник, как справедливо возразил Даль, может служить разве для одной забавы: чтобы, заглянув в него, поискать, есть ли там пословица, которая мне взбрела на ум, или она пропуше-

на». В.И. Даль признал необходимым расположить свой запас пословиц по их смыслу... Составлялись примеры, столь обильно рассыпанные по страницам *Толкового Словаря*. За эту работу... Даль просиживал каждый вечер часа по три, по четыре. Для него это было работой механическою... Но лишь только ударит 11 часов, Даль затушит стоявшие, бывало, пред ним свечи, встанет и, пожелав гостям доброй ночи, скажет: «Одиннадцать часов, спать пора». Вообще, в распределении времени он был до крайности точен...

После десятилетнего пребывания в Нижнем Новгороде, в самом конце 1859 года, Владимир Иванович, переехав в Москву, поселился на Пресне в доме, им купленном у г. Иваненка, а построенном историографом князем Щербатовым. В этом доме написана была «*История Российского Государства*», в этом доме (в нашествие Наполеона поплатившемся паркетом в гостиной, где какой-то французский генерал, не умея топить наши печи, разводил костры), кончены были работы по *Толковому Словарю*. Из Нижнего В.И. Даль привез Словарь, окончательно обработанный до буквы П. В Москве недуги Даля усилились, а он работал, работал неутомимо, иногда до обмороков. Он часто, бывало, говаривал: «Ах, дожить бы до конца *Словаря*! Спустить бы корабль на воду, отдать бы Богу на руки!»

Желание его исполнилось, он дожил до свершения своего великого труда.

Но какая неустанная работа потребовалась для издания этого *Словаря*. Он напечатан шестью разными наборами не в абзацах, а в строку. Кто хоть несколько знаком с типографским делом, тот поймет, какой труд, какое вни-

мание надо было употребить для проверки такого набора. Даль держал до *четырнадцати корректур* трехсот тридцати листов своего труда: в словаре малейшая опечатка не должна иметь места [...].

Все издержки по изданию *Толкового Словаря* Даля Государь принял на свой счет. Таким образом, если мы имеем теперь *Словарь*, смотря на который, едва верится, чтоб это был труд одного человека, *Словарь*, подобного которому нет на других языках, то этим мы всецело обязаны народолюбивому и народом любимому Царю нашему, воспитаннику Далева друга, незабвенного Жуковского, от которого Он научился любить и уважать отечественную литературу и родное слово. Три тысячи рублей, первоначально данные на издание *Словаря*, были возвращены В.И. Далем А.И. Кошелеву, который не пожелал взять их обратно, но предоставил в распоряжение Общества Любителей Российской Словесности для издания русских песен, собранных покойным Киреевским. В собрание это вошли и песни, собранные В.И. Далем...

Четыре огромные тома in 4-to в 330 листов, плод неустанных 47-летних трудов, в 1867 году явились пред русскою публикой. Как бы загремело имя Даля, если б это был словарь французский, немецкий, английский! А у нас хоть бы одно слово в каком-нибудь журнале. Ни один университет не выразил своего уважения к монументальному труду Даля возведением его на степень доктора русской словесности, между тем как дипломы на докторскую степень раздавались зря. Ни один университет не почтил составителя *Толкового Словаря* званием почетного члена или хотя простым приветом неутомимому труженику, окончив-

шему столь великое дело!.. Я не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля, но и его удивило такое равнодушие. Впрочем, я ошибся: один университет, в России находящийся, с должным уважением отнесся к труду Даля. Это университет немецкий, существующий в исконном русском городе Юрьеве, ныне Дерптом именуемом. Оттуда прислали Далю за *русский Словарь* латинский диплом и немецкую премию [...].

Когда *Толковый Словарь* был кончен печатанием, ординарный академик М.П. Погодин писал в Академию:

«*Словарь* Даля кончен. Теперь русская Академия Наук без Даля немислима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упраздненное место предоставить Далю. Выбывший займет первую, какая откроется, вакансию».

Академия Наук единогласно избрала Владимира Ивановича в свои почетные члены. Затем она присудила *Толковому Словарю* Ломоносовскую премию... Теперь осталось в продаже весьма немного экземпляров *Толкового Словаря* (не более 150 из 1500).

В Обществе Любителей Российской Словесности Даль был предложен в почетные члены... председателем А.И. Кошелевым, действительными членами, князем В.Ф. Одоевским и Мельниковым, и секретарем П.К. Щербальским. Пред заседанием, в котором должна была производиться баллотировка, предложение лежало на столе. Все члены Общества до единого присоединили свои подписи к предложению названных четырех членов. Баллотировки произвести было нельзя, ибо все избиратели предложили Владимира Ивановича в почетные члены. Через несколько дней, когда из-

готовлен был диплом, депутация, состоявшая из председателя Общества и многих членов, отправилась в дом Даля с просьбой: «сделать Обществу высокую честь — принять звание почетного его члена».

Императорское Русское Географическое Общество, мысль о котором возникла в сороковых годах на Дале-вых вечерах, увенчало труд его Константиновскою золотою медалью. Разборы были по поручению этнографического отделения Общества написаны ординарным академиком И.И. Срезневским и членом общества П.И. Савваитовым [...].

Кончив печатание *Словаря*, Владимир Иванович отдохнул от трудов. Он сделал все: *Словарь* и *Пословицы* изданы, песни переданы в Общество Любителей Российской Словесности для печатания их вместе с песнями Киреевского, сказки отданы для напечатания покойному А.Н. Афанасьеву, разные записки и служебные бумаги О.М. Бодянскому, который помещал и помещает их в *Чтениях Общества Истории и Древностей*, и П.И. Бартеневу для *Русского Архива*, некоторые бумаги — М.П. Погодину; большое собрание записок, относящихся до раскола — мне. Раздав таким образом свои запасы, В.И. Даль говаривал, что он теперь спокоен, будучи уверен, что все собранное им в течение полувека рано или поздно увидит свет Божий...

В.И. Даль всегда, как сказано было прежде, признавал ближайшею ко Христову учению церковь православную. Значительная часть наших бесед с Далем, в продолжение тридцатилетней приязни, посвящаема была историческим вопросам об исповеданиях и различных церковных расколах. Еще лет двадцать пять тому назад (как теперь помню, это было в селе Чистом

Поле, Семеновского уезда), он в первый раз высказал мне следующее:

«Самая прямая наследница апостолов, бесспорно, ваша греко-восточная церковь, а наше лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь. Эти раскольники (Чистое Поле и его окрестные селения населены раскольниками) несравненно ближе ко Христу, чем лютеране. Лютеране — голыверы [...].

Православие — великое благо для России, несмотря на множество суеверий русского народа. Но ведь все эти суеверия не что иное, как простодушный лепет младенца, еще неразумного, но имеющего в себе ангельскую душу. Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие... Наши русские суеверия имеют характер добродушия и простодушия, на Западе не то; тамошние суеверия дышат злом, пахнут кровью. У нас непомерное, превышающее церковный закон, почитание икон, благовещенская просфора, рассеянная вместе с хлебными зернами по полю ради урожая, скраденная частица Св. Даров, положенная в пчелиный улей, чтобы меду было побольше, а там — испанские инквизиции, Варфоломеевские ночи, поголовное истребление евреев, мавров, казни протестантов!»

П.И. Мельников-Печерский

Так говаривал он много раз и впоследствии, и чем более склонялись дни его, тем чаще. Помню, раз, года четыре тому назад, прогуливались мы с ним по полю около Ваганькова кладбища. Оно недалеко от Пресни, где жил и умер Владимир Иванович.

— Вот и я здесь лягу, — сказал он, указывая на кладбище.

— Да вас туда не пустят, — заметил я.

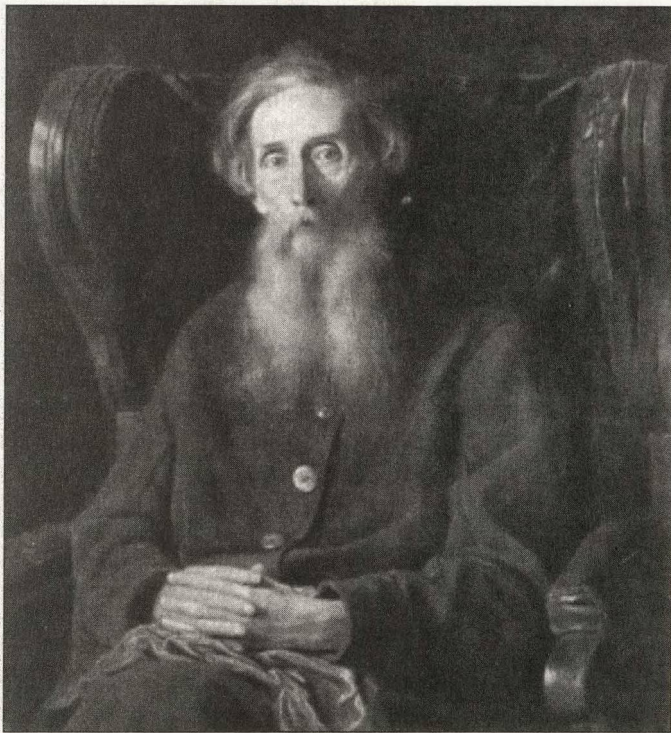
— Пустят, — отвечал он, — я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям.

— Что же мешает вам, Владимир Иванович? — сказал я. — Вот церковь...

— Не время еще, — сказал он, — много молвы и говора будет, а я этого не хочу; придет время, как подойдет безглазая, тогда...

Приняв православие, он... успокоил пылкость своего духа в учении и преданиях восточной церкви. «Я всю жизнь искал истины и теперь нашел ее», — говорил он, вступив в ограду православия.

Осенью 1871 года с Владимиром Ивановичем случился первый легкий удар, и первым его делом было пригласить глубоко уважаемого им священника, отца Преображенского, для присоединения к нашей церкви и дарования таинства св. причащения по православному обряду. Удары повторялись один за другим, и после каждого он прибегал к божественному таинству. Сентября 22-го 1872 года он скончался.

M. Dahl

Итак, скончал он жизнь свою в русской церкви. А был ли Даль русским по духу, он — датчанин по племени? Всегда, с ранней молодости.

Лет пять тому назад, в каком-то, не помню, журнале, напечатано было о славянах в Дании. Там было упомянуто о славинах Далях. Надо было видеть восторг Владимира Ивановича при этом известии!

Около того же времени поднялся в печати вопрос о немцах прибалтийского края. В это время дерптские друзья Даля требовали от него категори-

ческого ответа, кто он — русский или немец.

Вот что писал он им: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски»...